

Вячеслав Юрьевич Васечко

доктор философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела права
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

ORCID ID: 0000-0002-6690-5158

ЛАТИНСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ МАКСИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОСОЗНАНИЯ И КАК ФОРМА НРАВСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ РАБОТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье предпринимается попытка анализа массива дошедших до нашего времени латинских юридических максим в аспекте осмысления феномена коррупции и определения путей борьбы с ней. Указанные максимы рассматриваются не как сугубо юридические нормы и дефиниции, чей объем ограничен масштабами функционирования позитивного права, но как формы выражения нравственного сознания общества в целом и как элементы духовной культуры. В качестве основных векторов теоретической работы римских юристов выделены: 1) выработка у лиц, выбравших в качестве жизненного поприща правоохранительную деятельность, повышенной социальной и нравственной ответственности; 2) выяснение соотношения между понятиями *jus* (право) и *lex* (закон), с одной стороны, и *aequitas naturalis* (естественная справедливость) и собственно *aequitas* – с другой; 3) создание этического кодекса *judex bonus* – хорошего судьи, ключевой фигуры правоохранительной системы; выявление как добродетелей, атрибутивно присущих его личности, так и нравственных пороков, несовместимых с ней. Изучение текстов римских правоведов показывает, что проблемы, с которыми сталкивается наше общество, уходят корнями в глубокую древность и что имеющийся в латинских юридических максимах потенциал может быть актуализирован для решения задач современной антикоррупционной деятельности.

Ключевые слова: юридические максимы, римское право, право, закон, ответственность, справедливость, судья, противодействие коррупции.

Тот факт, что практическое функционирование правоохранительной системы весьма часто оказывается в конфликте и с общегосударственными интересами, и с потребностями нормального развития экономики, и с общечеловеческими

представлениями о добре и справедливости, был отмечен уже в самом начале становления писаного права. Когда люди, наделенные обществом или правителями самыми широкими властными полномочиями, вместо добросовестного отправления судопроизводства превращали свои должности в средство обогащения, удовлетворения эгоистических интересов или выстраивания карьеры, это не могло не восприниматься крайне негативно всеми окружающими – от рядовых граждан и подданных до первых лиц государства. Применительно к Древнему Риму подобные оценки нашли выражение не только в наследии интеллектуалов, прямо не задействованных в работе судебных органов, – таких как Ювенал (*Dat veniam corvis, vexat censura columbas* – Карающая власть щадит воронов, но обрушивается на голубей (Барсов 2003: 86)), Гораций (*Quid leges sine moribus vanae proficiunt?* – Что пользы в напрасных законах там, где нет нравственности? (Барсов 2003: 292)) или Цицерон, увековечивший поговорку «*Summum jus, summa injuria*» (Высшее право – высшее бесправие (Бабичев, Боровский 1997: 775)). Сами римские юристы, включая первую пятерку авторитетов (Папиниан, Павел, Гай, Ульпиан, Модестин) (Темнов 1996b: 41-42; Черниловский 1989: 7), поскольку они были не только профессионалами-теоретиками, но и искренними патриотами и радетелями общего блага, оставили нам немало свидетельств своей озабоченности по поводу недостатков существовавшей в их времена законотворческой и правоприменительной практики.

То, что впоследствии получило обобщение в понятии «коррупция» (напомним, что это тоже латинское слово!), было явлением, широко распространенным в римских судах. Среди классических латинских юридических терминов и формул мы обнаруживаем до боли знакомые нам вещи: *peculatus* – злоупотребление должностного лица доверием, присвоение казенных денег (Никифоров 1979: 192), *extortion* – вымогательство, совершаемое кем-либо под предлогом исполнения служебных обязанностей (Темнов 1996a: 161), *crimen repetundarum* – взяточничество, учиненное государственным чиновником (Темнов 1996a: 350), *argumentum argentarium* – денежный довод, то есть попросту взятка (Темнов 1996a: 85), *attentat* – ненадлежащее действие судьи (Темнов 1996a: 87), *mala praxis* – профессиональная недобросовестность (Никифоров 1979: 156), *ab initio*

vitiosum – изначально порочное правовое действие (Темнов 1996а: 341), *sub colore officii u sub colore juris* (Темнов 1996а: 374), – ситуация, когда некто, прикрываясь ссылкой на свое должностное положение или вообще на самое право, совершает беззаконные действия. И тому подобное.

Коррупционеры эпохи Республики, а затем Империи успешно ставили себе на службу как сам закон, так и складывавшийся (часто при их непосредственном участии) порядок отправления правосудия. Они фальсифицировали нужные им события преступления (*sponsio judicialis* – искусственно созданное дело; фальсифицированный вопрос факта (Темнов 1996а: 372)), крышевали своей властью и авторитетом заведомо противоправные акции (*Praetextu liciti non debet admitti illicitum* – Незаконная вещь не должна разрешаться под предлогом законности (Никифоров 1979: 202)). В этой формуле – реакция, возмущение и предупреждение озабоченного подобными вещами юриста), щадили виновных и наказывали невинных (*qui parciat nocentibus innocentes punit* (Темнов 1996а: 335)), творили под ширмой права откровенные бесчинство и произвол (*Est autem vis legem simulans* – Насилие может также маскироваться под право (Темнов 1996а: 148)), мастерски использовали пробелы в законодательстве, делая то, что формально не запрещено (*actus fictus in fraudem legis* – фиктивное действие в обход закона (Темнов 1996а: 71)), или, как свидетельствует Павел, ловко обходили закон, соблюдая его букву (*...in fraudem legis facit qui salvis verbis legis sententiam ejus circumvenit* (Бартошек 1989: 406)), и т.д.

От внимания юристов не ускользнуло и то обстоятельство, что коррупционные действия, как правило, не совершаются в одиночку, а предполагают образование устойчивой *illicitum collegium* – незаконной корпорации (Никифоров 1979: 109) либо, по крайней мере, близкое, непубличное общение не менее двух лиц (*Dona clandestina sunt semper suspiciosa* – Тайные дары всегда вызывают подозрение (Темнов 1996а: 139)). «... официальные институты создают фиктивную реальность, которая побивается действительностью практик неформальных институтов» (Ершов 2016: 24), – констатирует современный автор, подтверждая, по сути, тезисы и максимы, относящиеся к первым векам от Рождества Христова. Отсюда еще одна опасность – превращение творимого официальными лицами беззакония в при-

вычное поведение, его легализация, с чем вынуждено считаться и большинство законопослушных граждан, которые становятся поневоле не только его жертвами и свидетелями, но и соучастниками: *malum quo communis eo pejus* (чем распространеннее зло, тем оно хуже) (Темнов 1996а: 255), ибо *impunitas continuum affectum tribuit delinquenti* (безнаказанность есть постоянное поощрение правонарушителей) (Темнов 1996а: 254) и, кроме того, *spes impunitatis continuum affectum tribuit delinquenti* (надежда на безнаказанность – постоянное искушение к преступлению) (Темнов 1996а: 371). А суетливая и шумная законотворческая деятельность, призванная якобы усилить сопротивление злу, если не искоренить его полностью, есть, по сути, лишь имитация борьбы с коррупцией, а то и, возможно, сознательная маскировка отсутствия этой борьбы: *frustra ferentur leges nisi subditis et obedientibus* (бесполезно издавать законы, если им не покоряются и не подчиняются) (Никифоров 1979: 96).

Для римских юристов было очевидно, что потакание властей предречащих беззаконию разрушает основы государства, исподволь и незаметно делая его беззащитным перед лицом как внешних, так и внутренних врагов, поскольку в решающий момент большинство населения, деморализованное зрелищем безнаказанности и торжества тех, кто попирает и закон и совесть, скорее всего, проявит равнодушие и индифферентизм. Поистине пророческой в этой связи выглядит такая максима: «*Nihil infra regnum subditos magis conservat in tranquillitate et concordia quam debita legum administration*» (Ничто лучше не удерживает подданных государства в спокойствии и согласии, чем надлежащее исполнение законов) (Темнов 1996а: 277). Трудно отрицать, что именно отсутствие этого *debita legum administration* явилось одной из главных причин упадка и гибели некогда великой Империи, о чем ясно и откровенно писали историки и очевидцы тех трагических событий. Впрочем, данная ситуация воспроизводилась в истории тысячекратно, и наше отечество не стало здесь исключением. Так, в 1916 г., накануне заката императорской России, юрист-криминалист Валериан Ширяев, описывая запредельные масштабы коррупции во властных структурах страны во время Первой мировой войны, резюмирует: «Каждое должностное преступление находит своеобразное отражение в общественном правовом

сознании. Разрушительное действие его ... болезненно сказывается на чувстве законности народных масс» (Цит. по: Луньков 2016: 91). Неудивительно, что в следующем, 1917 г. эти массы весьма хладнокровно, едва ли не со злорадством наблюдали крушение Российской империи – примерно так же, очевидно, как в V в. массы плебеев (не говоря уже о рабах) воспринимали крах империи Римской.

Но лучшие юристы Рима не ограничивались негативной критикой. Они видели свою задачу также и в том, чтобы определить, хотя бы принципиально, пути и методы борьбы с теми лицами и структурами, которые извращают и дискредитируют механизм правосудия. Специальных их трудов на эту тему до нас не дошло, но то, что юридическая мысль напряженно работала и в этом направлении, подтверждается большим числом максим, вошедших в итоговый свод римского права – Дигесты Юстиниана, а также зафиксированных в иных источниках.

I. Один из векторов этой работы можно обозначить риторическим вопросом: «*Quis custodiet ipsos custodies?*» (Кто же будет сторожить самих сторожей?) (Темнов 1996а: 338). Очевидно, что это отнюдь не унылая и лицемерная констатация в духе «логики неискоренимости коррупции» (См.: Киселев 2014). Это – четкая установка на формирование у лиц, выбравших в качестве жизненного поприща правоохранительную деятельность, *повышенной социальной и нравственной ответственности*. В силу того что проконтролировать качество исполняемой ими работы чрезвычайно трудно, а часто просто и некому, социальные и моральные требования к ним многократно возрастают. Именно в этом аспекте следует, на наш взгляд, рассматривать многие классические изречения, которые для иных нынешних адептов позитивного права звучат либо тавтологично, либо беспредметно. Но как только мы допустим, что они адресованы не рядовым гражданам, а работникам одной из самых мощных силовых структур, они сразу наполняются смыслом и содержанием.

Часто цитируемая римскими юристами поговорка «*Conscientia mille testes*» (Совесть – тысяча свидетелей) (Темнов 1996а: 106) – недвусмысленное напоминание для тех, кто надеется, что отсутствие явных очевидцев их неблагоприятных дел надежно ограждает их от всякой ответственности. *Id tantum possumus, quod de jure possumus* (Мы можем делать лишь то,

что можем делать законно) (Барсов 2003: 158). Эта истина не слишком актуальна для среднего лояльного гражданина и, вероятно, наивно-комична в глазах закоренелого уголовника, но применительно к профессиональному слуге Фемиды вовсе не нелепость: каждое его решение, каждое действие, даже каждые мысль, слово, желание должны быть выверены, взвешены, отточены, ибо здесь на весах – судьбы людей. *Consentire videtur qui tacet* (Молчание – знак согласия) (Никифоров 1979: 41), то есть молчание, которое в повседневной жизни обычно не влечет за собой серьезных последствий, оказывается поступком крайней степени важности, если молчальник – судья либо кто-то из тех, кто работает в этой системе, ведь *qui potest et debet vitare, tacens jubet* (тот, кто может и должен запретить, но молчит – приказывает) (Темнов 1996а: 336) или, как жестко сформулировал Публий Сир, *jactem tacendo crimen facias acrius* (смолчав, ты поощряешь преступление) (Барсов 2003: 185).

Те, кто призван стоять на страже закона, должны быть особенно осторожными и щепетильными в выборе друзей и знакомых: «*Consortio malorum me quoque malum facit*» (Общение с дурными людьми и меня делает дурным) (Никифоров 1979: 41). *Commodum ex injuria sua non habere debet* (Никто не должен получать выгоду от совершения им правонарушения) (Темнов 1996а: 102), тем паче если он кум, сват, приятель, кореш судьы или кого-то из его родни. А поскольку дружба с порочными субъектами предполагает, что время от времени им приходится идти навстречу и оказывать некоторые услуги, то отсюда недалеко и до прямого беззакония. «*Benefacta male locata malefacta arbitror*» (Благодеяния, оказанные недостойному, я считаю злодеяниями) (Бабичев, Боровский 1997: 101-102) – так заявляет Энний, которого цитирует Цицерон в трактате «Об обязанностях». Кроме того, потворство близким людям с низкой социальной ответственностью означает неправомерно дифференцированный подход при оценке однотипных по юридическому статусу деяний, использование эксцепций там, где их быть не должно: *dispensation est vulnus, quod vulnerat jus commune* (изъятие из закона есть вред, ибо оно вредит общему праву (Темнов 1996а: 135))¹.

---

¹ Изъятие из закона – принцип, известный в новейшей криминологии как пресловутое «друзьям – всё, остальным – закон».

Находящийся при исполнении должностных обязанностей правоохранитель никогда не должен забывать, что *judex est lex loquens* (судья есть говорящий закон) (Никифоров 1979: 132) и что в сознании всех, кто будет иметь с ним дело (в частной жизни или в публичной), отношение к закону будет неотделимо от отношения лично к нему. *Quamvis aliquid per se non sit malum, tamen si sit mali exempli, non est faciendum* (Хотя нечто может быть и неплохо само по себе, но если это подает дурной пример, этого не следует делать) (Темнов 1996а: 330) – не следует делать, чтобы не вводить в соблазн, не развращать тех, кто не наделен юридической властью, особенно несформировавшуюся в гражданском плане молодежь. И среди множества линий поведения и поступков человек должен выбирать именно те, которые будут соответствовать его благородной задаче, и избегать всего того, что будет порочить его репутацию. «*Id facere laus est, quod decet, non quod licet*» (То делать похвально, что подобает, а не то, что дозволено) (Барсов 2003: 157; Темнов 1996а: 190), – повторяли юристы вслед за Сенекой. И добавляли от себя, что многие вещи закон не запрещает, однако молчаливо порицает (*multa non vetat lex, quae tamen tacite damnavit*) (Темнов 1996а: 264)).

Масштаб ответственности законослужителя столь велик, что парадоксальным образом может порой допускать формально противоположные, даже взаимоисключающие образы мышления и действия, оправдывать решения, не подкрепленные буквой закона, а то и противоречащие ей. Конечно, *si a jure discedas, vagus eris et erunt omnia omnibus* (если ты отступаешь от закона, то теряешь дорогу и все для всех неясно) (Никифоров 1979: 240), и потому все нужно решать строго по закону, *stricti juris* (Темнов 1996а: 373). Но весьма вероятны такие ситуации, в которых готового однозначного ответа в законах не окажется, и здесь юридические максимы ориентируют служителя правосудия на более свободный и самостоятельный формат мысли, одновременно возлагая на него повышенную нравственную ответственность. Например, поскольку *interest reipublicae ne maleficia remaneant impunita* (в интересах государства, чтобы преступники не оставались безнаказанными) (Темнов 1996а: 220), постольку морально оправданными могут, как ни странно, оказаться и сознательные отступления от писаного права: *receditur*

a placitis juris potius quam injurae et delicta maneant impunita (лучше отойти от установленных законов, чем допустить, чтобы правонарушения и преступления оставались безнаказанными) (Никифоров 1979: 225). И там, где рутинные юридические процедуры оказываются бессильными против зла, нужно проявить находчивость и смекалку, действуя креативно и нестандартно: *ubi cessat remedium ordinarium ibi decurritur ad extraordinarium* (когда обычный способ защиты права бесполезен, используется необычный способ (Темнов 1996а: 383). Определить, в чем конкретно будет заключаться «экстраординарный способ» и как именно он будет использован, – это не только суверенное право лица, наделенного соответствующими полномочиями, но и его безусловная обязанность. Здесь, в частности, может быть обращение к общественному мнению. Максимы рекомендуют делать достоянием гласности те проступки, которые злодей предпочел бы сохранить в тайне: «*Delicta enim nocentium nota esse oportet et expedit*» (Должно и полезно, чтобы о преступлениях дурных людей становилось известно) (Темнов 1996а: 150). Ведь тайный преступник более виновен, чем явный (*clam delinquentes magis puniuntur quam palam* (Никифоров 1979: 34)).

II. Второй блок максим, имеющих целью наполнить профессиональную деятельность юриста нравственным содержанием, не дать ему превратиться в бездушный автомат либо в сознательного и циничного коррупционера, связан с выяснением соотношения между понятиями *jus* (право) и *lex* (закон), с одной стороны, и *aequitas naturalis* (естественная справедливость) и собственно *aequitas* – с другой.

Разумеется, смысловая связь между ними имеется, и она постоянно подчеркивается, начиная с общеизвестных положений «*Jus est ars boni et aequi*» (Право есть наука о том, что хорошо и справедливо) (Барсов 2003: 186) и «*Aequior est dispositio legis quam hominis*» (Закон решает более справедливо, чем человек) (Темнов 1996а: 55). Максима Павла насчет того, что право есть то, что всегда является справедливым и добрым (*id quod semper aequum ac bonum est jus dicitur* (Бартошек 1989: 404)), цитируется в первой книге Дигест Юстиниана, в самом ее начале. Крылатая фраза «*Aequum et bonum est lex legum*» (Справедливость и благо – закон законов) (Барсов 2003: 23) часто оказывается на первых страницах популярных сборников латинских изречений.

Но уже для первых римских юристов было очевидно, что тождества между *jus* (*lex*) и *aequitas* нет, а сентенции типа «*Lex nemini operatur iniquum, nemini facit injuriam*» (Закон никогда не учиняет несправедливости, никому не причиняет вреда) (Темнов 1996а: 244) звучат чересчур оптимистично и порой, применительно к отдельным вопиющим казусам, просто издевательски.

Переосмысляя и углубляя под влиянием богатой и разнообразной судебной практики старую поговорку «*Summum jus est summa injuria*» (Безусловно осуществленное право (иногда) равносильно высшему бесправию), римская юриспруденция выработала такую концепцию справедливости, которая не допускала бы ее сведения к формально-легальным актам. Пусть мы, оказываясь в роли объектов приложения правовых норм, должны подчиняться им независимо от того, справедливы они или нет (*sive aequum, sive iniquum: parere debemus* (Темнов 1996а: 370)), – это совсем не лишает нас права иметь собственное мнение относительно того, насколько те реальные юридические практики, с которыми мы столкнулись, соответствуют понятию *aequitas naturalis*. И в интересах общего блага, чтобы те персоны, которые поставлены вершить закон, действовали более гуманно и осмотрительно, чтобы они никогда не упускали из внимания важную вещь: подлинная справедливость всегда выше и больше конкретных актов правосудия, она может реализоваться в последних лишь релятивно, с большей или меньшей степенью адекватности.

В тех случаях, когда налицо расхождение между позитивным правом (почти всегда совпадающим с «буквой закона») и естественной справедливостью, юрист-практик должен предпочесть вторую, пожертвовав буквой в пользу духа, смысла, истины, человечности. «*Licet hoc jure contingat, tamen aequitas dictat...*» (Хотя это и по праву, однако справедливость требует...) (Бартошек 1989: 380) – делает многозначительную оговорку Ульпиан. «*Haec aequitas suggerit, etsi jure deficiamus*» (Это желательно по справедливости, хотя (четкое) правовое предписание и отсутствует) (Бартошек 1989: 380), – вторит ему Павел, подчеркивая в другом месте, что *in omnibus, maxime tamen in jure aequitas spectanda est* (во всех делах, особенно же в праве, нужно помнить о справедливости) (Бартошек 1989: 380), в укор многим тогдашним и будущим жрецам Фемиды. «*Ubi aequitas evidence*

poscit, subveniendum est» (Там, где этого явно требует справедливость, нужно помочь) (Бартошек 1989: 380), – продолжает тему Марцелл, возлагая ответственность за эту помощь в первую очередь на тех, кто облечен всей властью закона. «*Ne cui dolus suus, per occasionem juris civilis, contra naturalem aequitatem prosit*» (Злой умысел никому не должен пойти на пользу под предлогом права, вопреки естественной справедливости) (Бартошек 1989: 392) – а так Павел оценивает тех, кто норовит подмять закон под себя и использовать его для решения собственных личных проблем.

Самой четкой и недвусмысленной следует признать здесь общую формулу того же Ульпиана: «*In omnibus aequitas naturalis praeferenda est rigori juris*» (Во всех делах естественная справедливость предпочтительнее строгости права) (Бартошек 1989: 380), – формулу, определяющую принцип, которым обязан руководствоваться юрист, будь он теоретик или практик, в разрешении любой правовой коллизии. И хотя придерживаться этого правила чрезвычайно сложно, хотя каждый отдельный казус требует к себе индивидуального подхода, сама идея безусловного приоритета общечеловеческого над корпоративным, естественного над искусственным, сути над формой должна считаться непреходящим достижением римской юридической мысли. Соответственно любая антикоррупционная деятельность, если она не является очередным формально-показушным мероприятием, может достичь успеха лишь постольку, поскольку совершенствование законодательства и реформирование сложившихся правовых механизмов призваны повернуть их лицом к человеку, сделать их гуманными и справедливыми не номинально, а реально, онтологически.

III. Еще один большой комплекс максим связан с формированием личности того *субъекта*, который, собственно, и должен претворить в реальность высокие понятия *добра* и *справедливости*, сделать их фактом бытия, нормой повседневной жизни. Именно на этом субъекте лежит и *ответственность* за то, чтобы все эти прекрасные слова не остались просто словами. Понятно, что речь идет о том, какими профессиональными и нравственными качествами должен обладать судья – центральная фигура процесса судопроизводства, от поведения и действий которого непосредственно

зависит правовой, а опосредованно – и всякий другой (политический, экономический, культурный, нравственно-психологический) климат социума. Ведь *sublata veneratione magistratum, respublica ruit* (утрата уважения к судьям разрушает государство) (Никифоров 1979: 246).

Максимы, характеризующие облик того, кого именуют *judex bonus* (хороший судья), при всей их многочисленности и разнообразии следует рассматривать как реализацию более общей установки, характерной для античной социально-гуманитарной мысли, а именно стремления сконструировать модель *идеального человека*. Эта модель непременно предполагает определенный этический кодекс – набор личностных качеств, добродетелей, которые индивид должен сформировать у себя – частью с помощью общества, частью самостоятельно. Наиболее известны модели Аристотеля («Никомахова этика») и стоика Сенеки («Нравственные письма к Луцилию»); у последнего такая модель обозначается выражением *vir bonus*, человек, или муж добра (Сенека 1986: 257, 270, 289, 309-310, 332-334, 414). Известно также, что именно перипатетизм, ориентирующийся на Аристотеля, и стоицизм явились общепризнанными предпосылками двух конкурирующих между собой школ римских юристов – соответственно прокулианцев и сабинианцев (См.: Темнов 1996b: 43; Черниловский 1989: 9-11). В определенном смысле *judex bonus* – это конкретизация и ипостась *vir bonus*, так как совершенный человек, живя в обществе, должен нести те или иные обязанности, играть какую-то социальную роль, и потому добродетели человека как такового требуют дополнения в виде добродетелей, свойственных данной профессии. Впрочем, в собирательном образе *judex bonus*, рисуемом юристами-классиками, трудно выделить, условно говоря, перипатетические и стоические качества и смотритса он в целом достаточно синкретично и органично.

Среди профессиональных добродетелей идеального судьи чаще всего фигурируют:

– мудрость и совесть (*Judex habere debet duos salea, salem sapientiae ne sit insipidus et salem conscientiae, ne sit diabolus* – Судья должен обладать двумя свойствами: свойством мудрости, чтобы он не был глуп, и свойством совести, чтобы он не был жестоким (Никифоров 1979: 132));

– добросовестность и честность (*De fide et officio judicis non recipitur quaestio* – Добросовестность и честность судьи не подвергаются сомнению (Темнов 1996а: 124));

– готовность помочь всем нуждающимся (*Justitia nemine neganda est* – Нельзя никому отказывать в правосудии (Барсов 2003: 186)), особенно невинным и обманутым, снисходительность к ним. «*Praetor hominibus vel lapsis vel circumscriptis subvenit*» (Судья помогает людям, которые ошиблись или были обмануты), – подчеркивает Ульпиан (Бартошек 1989: 418);

– справедливость (*Judex ante oculos aequitatem semper habere debet* – Судья всегда должен иметь справедливость перед своими глазами (Темнов 1996а: 224));

– компетентность (*Factum a judice quod ad eius officium non spectat non ratum est* – Действие судьи, которое не входит в его компетенцию, является ничтожным (Темнов 1996а: 163)). Впрочем, с другой стороны, *est boni judicis ampliare jurisdictionem* – хороший судья должен понимать свою юрисдикцию расширительно (Темнов 1996а: 148);

– сознательное исполнение действующих законов (*Judicis est jus dicere non dare* – Обязанность судьи отправлять правосудие, а не издавать законы (Темнов 1996а: 226)). Вот почему наилучшим судьей считается тот, который берет на себя меньше всего – *optimus judex qui minimum sibi* (Темнов 1996а: 270);

– забота о совершенствовании всей правоохранительной системы (*Boni judicis est ampliare justitiam* – Обязанность хорошего судьи – принимать решения, способствующие развитию правосудия (Темнов 1996а: 91));

– настойчивость и последовательность (*Boni judicis est litis dirimere; et interest reipublicae ut sint fines litium* – Хороший судья доводит дело до конца; и в том интерес государства, чтобы дело доводилось до конца (Никифоров 1979: 28));

– взвешенность, сбалансированность, оптимальность выносимых решений (по Марцеллу, *perspicendum est judicanti, ne quid aut durius aut remissius constituatur, quam causa deposcit* – судья должен стараться решать дело не строже и не мягче, чем требует данный случай (Бартошек 1989: 402), что резонно можно трактовать как реализацию применительно к профессии судьи общечеловеческой добродетели умеренности, прославленной Аристотелем в «Никомаховой этике»);

– гибкость и в то же время максимальный учет конкретных обстоятельств (согласно Цельсу, *bonus iudex varie ex personis causisque constituet* – хороший судья принимает решения по-разному, с учетом особенностей дела и участвующих в нем лиц (Бартошек 1989: 402));

– способность сконцентрироваться на конкретном деле, отвлекаясь от всего лишнего и постороннего (*Sapientis iudicis est cogitare tantum sibi esse permissum, quantum commissum et creditum* – Мудрый судья должен разрешать себе думать в той лишь мере, в какой этого требует порученное и доверенное ему дело (Темнов 1996а: 358)).

Многие максимы рисуют образ *iudex bonus* как бы от противного, через демонстрацию пороков, несовместимых с исполнением данным индивидом этой ответственной социальной функции, таких как:

– невежество (*Ignorantia iudicia est calamitas innocentis* – Невежество судьи – бедствие для невинного (Темнов 1996а: 192));

– лживость (*Fraus et jus nunquam cohabitant* – Обман и правосудие никогда не уживаются (Барсов 2003: 135));

– заторможенность, нерасторопность (*amplius* – так обозначался судья-волокитчик, тратящий слишком много времени на рассмотрение дела и постоянно откладывающий слушание (Никифоров 1979: 19));

– формализм и крючкотворство (*Aucupia verborum sunt iudice indigna* – Буквоедство ниже достоинства судьи (Темнов 1996а: 87));

– нечистоплотность – как моральная, так и всякая другая (*Impuris minibus nemo accedat curiam* – Пусть никто не приближается к суду с нечистыми руками (Темнов 1996а: 196)); это в первую очередь касается самих судей, хотя и не только их.

В ряде случаев добродетели и пороки в максиме противопоставляются в одном предложении так, чтобы полярность добра и зла сделалась предельно очевидной: «*Justitia debet esse libera, quia nihli iniquius venali justitia; plena, quia justitia non debet claudicare; et celeris, quia dilation est quaedum negation*» (Правосудие должно быть свободным, ибо нет ничего более несправедливого, чем продажное правосудие; полным, ибо правосудие не должно останавливаться на полпути; скорым, ибо промедление есть вид отказа) (Никифоров 1979: 141-142).

Постулируя, что для эффективного отправления правосудия необходимо, чтобы судьи считались честными людьми, а их решения – истиной, юрист делает принципиальную оговорку: «...где нет явного несправедия» (...*ubi non est manifesta injustitia* (Темнов 1996а: 384)). Если же судья все-таки оказывается безнадежно коррумпированным субъектом, то он должен готовиться к самым тяжким последствиям: *judici satis poena est quod Deum habet ultorem* – для судьи достаточно наказания, что Бог является мстителем ему (Темнов 1996а: 225). Иначе говоря, встав на сторону зла и беззакония, судья лишается всякой онтологической опоры и потому любое несчастье, которое с ним может произойти, даже внешне не связанное с его профессиональными действиями и с вынесенными или не вынесенными им приговорами, следует толковать как закономерную и заслуженную кару свыше.

Итак, близкое и детальное знакомство с дошедшими до нас юридическими суждениями и формулами классической римской эпохи свидетельствует, что коррупционные извращения в функционировании механизма судопроизводства уже тогда были в поле зрения наиболее проницательных и глубоко мыслящих правоведов. Римские юристы в их критике не ограничивались абстрактным морализированием, но пытались наметить пути если не ликвидации, то, по крайней мере, минимизации пагубного воздействия коррупционных феноменов на правоохранительную практику и на социальную жизнь в целом. Слишком современное, нередко пугающее звучание многих максим, известных уже около двух тысяч лет, говорит не только о необыкновенной живучести этих пороков, но и о необходимости продолжения непримиримой борьбы с ними.

Разумеется, актуализация имеющегося в латинских юридических максимах потенциала – дело не быстрое и не простое. Вряд ли сознание махрового коррупционера, свикшегося за десятилетия с постоянно практикуемыми в его среде противоправными нормами поведения, может как-либо воспринять нравственные ценности, отстаиваемые римскими юристами. И едва ли ознакомление с этими истинами (тем более ознакомление запоздалое) способно побудить подобного субъекта к переосмыслению и переоценке собственной деятельности. Начинать здесь, очевидно, следует с профессионального образования будущих

юристов: уже на студенческой скамье они должны получать не просто ценностно-нейтральную информацию, а такие знания, которые бы формировали у них высокие гуманистические принципы и понимание той серьезной ответственности, с которой будет сопряжена их работа.

Дисциплин, которые входят в образовательные стандарты специальности «Юриспруденция» и которые через обращение к творчеству римских правоведов могут и непременно должны приобрести четкий антикоррупционный вектор, немало. Это, например, читаемые бакалаврам уже на первых курсах римское право, латинский язык, история политических и правовых учений и история государства и права зарубежных стран. Таковы и многие дисциплины, включенные в программы обучения в юридической магистратуре: «История и методология юридической науки», «Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов», «Правовые основы и особенности исполнения судебных решений», «Противодействие коррупции в системе государственной службы», «Сравнительное правоведение» и, конечно же, «Философия права». От преподавателей, читающих эти предметы и призванных, помимо прочего, дать студентам представление о лучших, эталонных достижениях юридической мысли всех времен, во многом зависит будущее и их нынешних подопечных, и всей нашей страны в целом.

Материал поступил в редколлегию 17.09.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. 1997. Словарь латинских крылатых слов. М.: ТЕРРА. 960 с.

Барсов С.Б. (сост.) 2003. Вечные истины на вечной латыни. De verbo in verbum: Латинские изречения / сост. С.Б. Барсов. М.: Центрполиграф. 448 с.

Бартошек М. 1989. Римское право: Понятия, термины, определения. М.: Юрид. лит. 448 с.

Ершов Ю.Г. 2016. Коррупция в России: проблемы методологии исследования // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. Екатеринбург. С. 17-30.

Киселев К.В. 2014. Символические аспекты деятельности по противодействию коррупции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч. конф. Екатеринбург. С. 187-193.

Луньков А.С. 2016. Философский анализ теории и практики борьбы с коррупцией в русской армии в конце XIX – начале XX в. // Актуальные

проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. Екатеринбург. С. 90-102.

Никифоров Б.С. (сост.) 1979. Латинская юридическая фразеология / сост. Б.С. Никифоров. М. : Юрид. лит. 264 с.

Сенека Л.А. 1986. Нравственные письма к Луцилию / пер., послесл. и примеч. С.А. Ошерова. Кемерово : Кн. изд-во. 464 с.

Темнов Е.И. (сост.) 1996а. Латинские юридические изречения / сост. Е.И. Темнов. М. : Юристь. 400 с.

Темнов Е.И. 1996б. Звучащая юриспруденция // Латинские юридические изречения / сост. Е.И. Темнов. М. : Юристь. С. 5-62.

Черниловский З.М. 1989. Предисловие // Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения. М. : Юрид. лит. С. 5-14.

Vyacheslav Yu. Vasechko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

ORCID ID: 0000-0002-6690-5158

LATIN JUDICIAL MAXIMS AS ELEMENTS OF LEGAL CONSCIOUSNESS AND A FORM OF MORAL EVALUATION OF ENFORCEMENT SYSTEM

Abstract. The article attempts to analyze an array of Latin judicial maxims preserved till nowadays in the aspect of understanding the phenomenon of corruption, and ways to combat it. The maxims are seen not merely as a legal phenomenon, and limited scale operation of positive law, but as a form of expression of moral consciousness of society as a whole, and as elements of spiritual culture. The following main vectors of the theoretical works of Roman jurists are marked out: 1) formation of persons chosen as life opportunities in law enforcement, increased social and moral responsibility; 2) clarifying the relationship between the concepts of *jus* (right) and *lex* (law), on the one hand, and *aequitas naturalis* (natural justice) and simply *aequitas*, on the other; 3) formation of a code of ethics for *judex bonus* (a good judge), who is a key figure of the law enforcement system; identification of virtues inherent in her/his personality, and moral vices that are incompatible with it. The study of the texts of the Roman legal scholars proves that the problems faced by our society are rooted in deep antiquity, and that the Latin legal maxims' capabilities can be updated to solve tasks of the contemporary anti-corruption activities.

Keywords: judicial maxims; Roman law; right; law; responsibility; justice; judge; countering corruption.

References

- Babichev N.T., Borovskiy Ya.M. *Slovar' latinskikh krylatykh slov* [Dictionary of Latin catch words], Moscow, TERRA, 1997, 960 p. (in Russ.).
- Barsov S.B. (comp.) *Vechnye istiny na vechnoy latyni. De verbo in verbum: Latinskie izrecheniya* [Eternal truths to the eternal Latin. De verbo in verbum: Latin sayings], Moscow, Tsentrpoligraf, 2003, 448 p. (in Russ.).
- Bartoshek M. *Rimskoe pravo: Ponyatiya, terminy, opredeleniya* [Roman law: concepts, terms, definitions], Moscow, Yurid. lit., 1989, 448 p. (in Russ.).
- Chernilovskiy Z.M. *Predislovie* [Preface], *Bartoshek M. Rimskoe pravo: Ponyatiya, terminy, opredeleniya*, Moscow, Yurid. lit., 1989, pp. 5-14. (in Russ.).
- Ershov Yu.G. *Korrupsiya v Rossii: problemy metodologii issledovaniya* [Corruption in Russia: problems of research methodology], *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf.*, Ekaterinburg, 2016, pp. 17-30. (in Russ.).
- Kiselev K.V. *Simvolicheskie aspekty deyatelnosti po protivodeystviyu korrupsii* [Symbolic aspects of anti-corruption activities], *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii : sb. nauch. tr. po itogam Vseros. nauch. konf.*, Ekaterinburg, 2014, pp. 187-193. (in Russ.).
- Lun'kov A.S. *Filosofskiy analiz teorii i praktiki bor'by s korrupsiey v russskoy armii v kontse XIX – nachale XX v.* [Philosophical analysis of the theory and practice of combating corruption in the Russian army in the late 19th and early 20th c.], *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf.*, Ekaterinburg, 2016, pp. 90-102. (in Russ.).
- Nikiforov B.S. (comp.) *Latinskaya yuridicheskaya frazeologiya* [Latin legal phraseology], Moscow, Yurid. lit., 1979, 264 p. (in Russ.).
- Seneka L.A. *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral letters to Lucillus], Kemerovo, Kn. izd-vo, 1986, 464 p. (in Russ.).
- Temnov E.I. (comp.) *Latinskie yuridicheskie izrecheniya* [Legal Latin maxims], Moscow, Yurist", 1996, 400 p. (in Russ.).
- Temnov E.I. *Zvuchashchaya yurisprudentsiya* [Sounding jurisprudence], *E.I. Temnov (comp.) Latinskie yuridicheskie izrecheniya*, Moscow, Yurist", 1996, pp. 5-62. (in Russ.).